

XXV 1. in 34
69

45
0

ПОЛУЧЕНО
МОСКОВСКАЯ
ЕВАНГЕЛИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЗАПИСКАХЪ

ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.

е 58
с 1076
139 58

СОЧИНЕНІЕ

Н. В. СУШКОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1869.

201-14
2604

е 58
с 1076

0
ЗАПИСКАХЪ

ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868 г. кн. 3-я.

6473-64

Въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1868 года (отд. V, стр. 261—272) напечатаны «Извлеченія изъ Записокъ Фотія.» Злорадство и гордыня сочинителя «Записокъ» выразились въ нихъ во всей наготѣ своей. Издатель, впрочемъ, предваряетъ читателей, что слѣдуетъ «осторожно принимать показанія и отзывы такого страстнаго чело- вѣка, сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, то же не хуже его знакомыхъ съ тѣмъ, что рассказываетъ онъ.» Переда- ваемое же имъ о Филаретѣ и его о немъ сужденіе онъ совѣтуетъ «сличить и повѣрить съ извѣстіями другихъ и съ рассказами самаго Владыки, какъ извѣстно, справедливѣйшаго чело- вѣка нашихъ дней, сохраненными потомству въ «Запискахъ о жизни и времени Святи- теля.» Тогда правда выйдетъ наружу, что бы ни говорили нерас- положеніе, зависть и злоба къ мужу, который составляетъ лучшее

Сочинитель «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета» приготовляетъ свой трудъ къ посмертному, какъ говоритъ, изданію. Иное изъ пополненій и полне- ній онъ помѣщаетъ въ повременныхъ изданіяхъ. Предлагаемая статья войдетъ въ число приложеній, къ стр. 105. Такъ «Замѣтка на замѣтку»—отвѣтъ «Рус- скому Архиву» во 2 кн. 1868 г. «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос.» относится къ стр. 200; нѣсколько словъ въ 1-й кн. того же года «Чтеній» по поводу занима- тельныхъ разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Изъ прошлаго», къ стр. 223 и т. д. О. Б.

2011143390

украшение и гордость не только современной Россіи, но и всего Православнаго міра....»

Фотій, не столько страстный, сколько властолюбивый, коварный и завистливый, самъ себя обличаетъ передъ судомъ потомства въ своихъ сказаніяхъ на столько же и даже больше, нежели обличился въ своихъ запискахъ Синодскій Оберъ-Прокуроръ Яковлевъ.

Облагодѣтельствованный, по собственному признанію, Филаретомъ,² неблагодарный Фотій клеветаетъ на него и силится затемнить его свѣтлый путь на земли.

Не возражая на явное безуміе вражды, утверждающей, будто бы Святитель принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ, и даже письменно просилъ начальника секты «включить и считать его въ ложѣ;» не упоминая также и о ненависти клеветника къ Библейскому Обществу, которое, какъ въ зеркалѣ, отражается въ отчетливомъ трудѣ А. Н. Пыпина,³ приведу разные попытки Фотія, въ сущности жалкаго, страннаго, смѣшнаго изувѣра-самохвала,⁴ запятнать чистое имя своего благодѣтеля.

Вытребовалъ Аракчеевъ съ Дону на Неву Есаула Котельникова, затѣявшаго новую секту Духоносцевъ. Фотій взялся обратиться на путь истины. Хитрецъ хитреца издалека чувствуетъ. От-

² «Чтенія въ Моск. Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія» 1868 г., кн. IV, стр. 104—111.

³ «Вѣстникъ Европы» 1867 г., Авг., Сент., Ноябрь и Декабрь.

⁴ См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868 г., кн. IV, стр. 79—80: объ истребленіи художественной, драгоценной вещицы (камне). Не смѣшно ли, что Архимандритъ кликалъ Графиню А. А. Орлову-Чесменскую и пожилую, дружную съ ней, А. И. Жадовскую, какъ дѣвченочку: «Анна! Аграфена!» Самохвальство же его еще недавно выказалось въ ничтожныхъ выпискахъ изъ его Записокъ (6 тетрадь Русскаго Архива на 1869 г.), на примѣръ: «Авва Фотій» — такъ величаетъ онъ себя — «поддержалъ Митрополита Серафима; примирилъ съ нимъ Князя А. Н. Голицына; въ Петербургѣ честили его знатные и ученые Болре и Болрыни; Императоръ Александръ Павловичъ кланялся ему въ ноги, стоялъ предъ нимъ на коленяхъ, цѣловалъ десницу его!» и т. д.

щепенецъ разгадалъ ханжу и удовлетворилъ его тщеславной самонадѣянности: онъ, немного поспоривъ, ударился въ отчаянное раскаяніе, и былъ отпущенъ на родину, да еще и съ наградой. Ему дано 1,000 р., какъ означено въ «Запискахъ Шишкова.»⁵ Зная, какимъ богатствомъ распоряжается буйно-строгой и грубо-настойчивый духовникъ Графини Орловой-Чесменской, по ея слѣпой, необъяснимо безпредѣльной, ему послушности, лукавый Казакъ пытался выманить отъ него не одну тысячу, да не удалось. Раздосадованный до неистовства своей неудачей, онъ сбросилъ съ себя личину, ругательно насмѣялся простотѣ повѣрившихъ его мнимому обращенію, въ своемъ еретическомъ сочиненіи: «Острый серпъ,» и послалъ свою рукопись⁶ къ разнымъ лицамъ. Московскій Архіепископъ вовсе не заботился о Котельниковѣ. Фотій его обратилъ, Фотій его наградилъ, Фотій же его и управилъ въ Соловки, гдѣ тотъ и умеръ. Однако Юрьевскій самоуправецъ сдумалъ и тутъ накинуть тѣнь на Святителя: «Филаретъ», сказано въ его Запискахъ, видя въ письмѣ Котельникова (при которомъ присланъ будто бы ему «Острый серпъ»), что онъ до небесъ восхвалялъ за терпимость ереси и хладнокровность къ Православію (!), Митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самими скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственные руки Его Величества; но Государь принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію.»

Участь Котельникова рѣшена зимой 1824 г., когда было поднято гоненіе на Филарета, бывшаго въ ту пору въ Москвѣ и отставившаго запрещенный Катихизисъ: могъ ли же онъ, гонимый и въ опалѣ, обратиться къ Императору съ письмомъ и книгой раскольника, уже осужденнаго? Имѣлъ ли онъ право писать къ Государю непосредственно о чемъ и когда вздумается?

⁵ «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868 г., кн. 3.

⁶ По словамъ Шишкова и Фотія «книгу.»

Гдѣ предлогъ войти въ дѣло, чуждое Московской каѳедры? Было ли еще получено имъ письмо Котельникова? Гдѣ же оно, гдѣ и всеподданническое письмо Архіепископа? Согласно ли съ неприкрытой сдержанностью Александра показаніе, что онъ «принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной?» и таковъ ли былъ Аракчеевъ, чтобъ наединѣ ему сказанное передавать кому бы то ни было? Наконецъ, какъ могло случиться, чтобы «бумага,» послѣ разсмотрѣнія Первоприсутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ, была предоставлена заключенію Юрьевскаго Архимандрита?... Ограничу предложенными вопросами опроверженіе этого сказанія.

На 108—111 стр. моихъ «Записокъ о М. Филаретѣ» напечатанъ, со словъ его, рассказъ А. Н. Муравьева, повѣренный мною личнымъ вновь, по моей просьбѣ, рассказомъ мнѣ Владыки, о запрещеніи въ 1818—1819 г. сочиненія Станевича «Плачь (бесѣда) надъ гробомъ младенца.»⁷ Въ 1824 г. Шишковъ съумѣлъ измѣнить взглядъ на «Плачь» и исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ не безсмертнаго творенія Станевича.⁸ Въ 1815 г. оно было одобрено Архимандритомъ Иннокентіемъ. Митрополитъ Михаилъ и Ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, признали нужнымъ иное въ немъ исправить и перемѣнить; но Князь Голицынъ представилъ свои на него замѣчанія Императору, и оно было запрещено. Цензоръ, однако, тогда же возведенъ въ санъ Епископа Оренбургскаго. Что же говорить Фотію? «Дабы удалить его, подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ Духовной стороны Филаретъ, Ректоръ Академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ.» Стало быть, Епископство—предлогъ къ ссылкѣ и наказанію. А какъ же назвать ходатайство Филарета о порученіи Иннокентію «вмѣсто Оренбургской Епархіи, Пензенской, болѣе по климату ему благопріятной?» По логикѣ Фотія это—злоба, ненависть, преслѣдованіе и т. п.

⁷ Первоначально напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества и Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 года, кн. 1, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

⁸ Напечатано въ первый разъ тоже въ «Чтеніяхъ» 1861 г., кн. 2-й, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

«Онъ (Филаретъ) написалъ книжицу: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ,» въ духѣ не Православныхъ, со вѣтуя каждому оставаться въ своей Вѣрѣ, въ какой родился (о книжицѣ говорено въ моихъ «Запискахъ,» стр. 82—84 и Приложеніи XVII); переводъ Священнаго Писанія, со своими учениками, новотворилъ (т. е., «Записки на книгу Бытія, Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи и т. п.!!!);» «для повсемѣстнаго распространенія своего духа принаровилъ Катихизисъ пространнѣй и краткѣй, въ которыхъ Символъ Вѣры, Заповѣди Господни и Молитва Господня изложены на простонародномъ языкѣ.» Вопросъ о Катихизисахъ давно рѣшенъ: на различныхъ языкахъ, въ разныхъ, даже не Православныхъ, Церквахъ, они преподаются и въ Азіи и въ Америкѣ.

«Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ (продолжаетъ Фотій), Филаретъ Московскій не сдѣлалъ Православной Церкви и Вѣрѣ ни какой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и не Православію и всему, что угодно было тайному обществу!» Филаретъ—безполезный челоуѣкъ и на словахъ и на дѣлѣ!... Труды его, ученые, историческіе, догматическіе, его проповѣди, извѣстныя на обоихъ полушаріяхъ земли, его честное, до послѣдняго вздоха искренно ревностное, служеніе Церкви, Государству, челоуѣчеству, его любовь къ просвѣщенію, воспитавшая столько извѣстныхъ служителей, проповѣдниковъ и столповъ Православія, вся долготѣнная жизнь его, исполненная трудовъ и подвиговъ Вѣры, любви, благочестія, благотворительности, все отринуто неистойвой завистью клеветника!... Жалокъ Фотію, невыразимо жалокъ бѣдный Фотію!...

Далѣе идетъ рѣчь о Князѣ Голицынѣ, мелькають нѣкоторыя имена членовъ Библейскаго Общества и Масоновъ, т. е., почтенныхъ дѣятелей почтеннаго Дружескаго Общества, упоминается о Госнерѣ, о Феслерѣ, о Теофилактѣ.

Фотію спуталъ Феслера, о которомъ подробно рассказано въ «Запискахъ» моихъ (стр. 39—41), съ Ансильономъ (стр. 91—94), и относитъ извѣстную полемику Ректора Духовной Академіи, Филарета, съ Членомъ Синода, Теофилактомъ, по поводу Эстетики

Ансильона, къ рецензїи справедливыхъ замѣчаній Преосвященнаго⁹ на конспектъ Философскихъ наукъ Профессора Феслера, къ рецензїи ужь, конечно, не въ защиту чьихъ либо заблужденій. Что до Госнера, я не упомянулъ по тому объ его преданной огню книгѣ (Толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея), что дѣло о переводѣ ея (съ Нѣмецкаго на Русскій) и о напечатаніи давно и достаточно извѣстно по производству суда надъ Поповымъ,¹⁰ а также и надъ привлеченными къ дѣлу Гречемъ и другими, въ Государственномъ Совѣтѣ оправданными.

Довольно. Все, приведенное изъ Записокъ Юрьевскаго Архимандрита, ярко обличаетъ его недобросовѣстность. Въ заключеніе сопоставлю его разнорѣчащїе о Филаретѣ отзывы въ три разныхъ поры. Одна пора 1814—1817, когда молодой Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими учеными трудами, краснорѣчіемъ глубокомысленныхъ проповѣдей, твердостью догматическихъ свѣдѣній, и слава его росла «не по днямъ а по часамъ.» Вторая пора 1824—1825, когда козни нѣсколькихъ узкомыслящихъ ханжей и низкопоклонниковъ Аракчеева пособили послѣдному охладить Александра I-го къ Князю Голицыну; когда продолжалось еще гоненіе на преподавателей въ С.-Петербургскомъ Университетѣ¹¹ и на Библейское Общество; когда Московскій Архіепископъ подвергся преслѣдованіямъ.¹² Третья пора 1827 — 1837, когда Фотій догадался, что

⁹ Оеофиакта, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 113—123. О. Б.

¹⁰ См.: «Мнѣніе Сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о Цензурѣ» въ защиту Попова, въ 4-ой кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., отд. V, стр. 37—42; а противъ Попова и Муравьева тамъ же (стр. 43—48): «Мнѣніе Сенатора Сумарокова» и Адмирала Шишкова, въ его «Запискахъ» напечатанныхъ тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1869 г., кн. 3-ей, отд. 2, стр. 88 и слѣд. О. Б.

¹¹ См. «Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1866 г., кн. 3, отд. V, стр. 61—164. О. Б.

¹² Непримиримымъ гонителемъ его былъ одинъ Фотій. Шишковъ, возставая на

Митрополитъ Московскій въ свѣтѣ славы Святительской стяжалъ уваженіе и въ чуждыхъ странахъ; что любовь, довѣріе и благоговѣніе къ нему народа безпредѣльно; что онъ проченъ на своей каведрѣ.

Отзывы Фотія о Филаретѣ.

1814—1817.

Разсказавъ объ его благодѣяніяхъ, отъ вступительнаго испытанія, своего поступленія въ Духовную Академію, выпуска преподавателемъ въ училищѣ при Семинаріи, а потомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, и до постриженія, Фотій вспоминаетъ, какъ Филаретъ помогаль ему деньгами, и какъ много заботился объ излѣченіи его отъ болѣзни, пригласивъ къ себѣ знаменитаго О. К. Каменецкаго (а не Каменскаго), позже Лейбъ-Медика. Далѣе онъ превозноситъ его такъ: «Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академіи былъ одинъ Филаретъ.» «Когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ лстїи и питїя».... «Сердобольнѣ, милостивѣ... Видѣ лица его былъ яко Ангела Божїя.... отъ устъ его никогда ни одного слова не слыхалъ напротивъ Вѣры Православной, напротивъ Церкви Восточной Христовой; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ; каждое слово его имѣло вѣсь и силу; человекъ былъ, исполненъ многого ученїя».... «Филаретъ не былъ одинаго духа съ лукавыми. Въ оное время былъ союзъ любви между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были искренніе, искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви?..»

Катихизисы, только повторялъ внушенїя Фотія; Кикинъ хлопоталъ лишь о «Бесѣдѣ Станевича; Магницкїи не шелъ явно противъ Московскаго Пастыря; Аракчеевъ хотѣлъ только уронить Голицына. Митрополитъ Серафимъ, страдательное оружіе овладѣвшихъ имъ, не прерывалъ возможно добрыхъ сношеній съ Филаретомъ, не порицалъ, хотя и не отставалъ, «Катихизисовъ» уважалъ гонимаго и въ послѣдствїи дорожилъ его совѣтами. Шатка наша бѣдная чело-вѣческая природа! Грустно вспомнить, что такіе честные люди, какъ добродушный Шишковъ и Стась-Секретарь Кикинъ, могли поддаться вліянію Фотія!

1824—1285.

Похоже ли въ эту пору сказанное о немъ съ тѣмъ, что говорено въ 1814—1817? Тогда онъ: «витія, писатель, учениѣишій мужъ, образователь всѣхъ отличныхъ духовныхъ заведеній» и т. д. Теперь онъ: «человѣкъ вредный Православію—«и ничего-то путнаго не сказалъ, не написалъ, не сдѣлалъ!»..

1827—1830—1837.

Въ 1827 г. Фотій вновь напоминаетъ Филарету объ его благодѣяніяхъ; въ письмѣ, отъ 26 Ноября 1830, онъ радуется его служенію въ Церкви Божіей словомъ и дѣломъ и восклицаетъ: «Всеблагій и дивный во святыхъ своихъ Господь, удивляя въ тебѣ вся хотѣнія своя, благоволилъ тебе сохранить подъ сѣнію покровы своего отъ чуднаго недуга, отъ многихъ лѣтъ въ писаніи явленнаго (отъ холеры). Спасеніе твое отъ летящаго недуга среди паствы твоя есть дѣйствіе перста Божія. Не дивлюся сему въ тебѣ. Кто не видитъ и во всемъ съ тобою перста Божіяго, Святителя Божіи!.. Ты нуженъ Церкви Божіей!.. Да свѣтитъ свѣтъ Господень въ тебѣ всѣмъ и мнѣ, да между всѣми тѣнь сладости свѣтлѣнія твоего въ дѣлѣ благодати коснется и гортани сердца моего.» Наконецъ въ письмѣ къ Жадовской, отъ 26 Ноября, 1837 г., онъ говоритъ: «Я за знаменіе Божіей благодати полагаю въ томъ, кто изъ Москвичей своего пастыря, наставника и учителя, Святителя Филарета, почитаетъ, по Божѣ истинно слушаетъ. Я скажу то, что никогда инаго слова не слышалъ отъ Филарета Митрополита, какъ на пользу души.... Никогда не посылалъ Богъ такого мудраго пастыря граду Москвѣ, какъ Филарета. Жизнь его лучше Платона, какъ серебро олова. Его намѣренія всегда человѣколюбны и превосходятъ. Пастырь, Ангелъ Господень! Есть нѣкая настоятельница въ паствѣ его, и почитаетъ его за святаго: и я ее почитаю единственно за праведную въ женахъ, что праведно поступаетъ, такъ почитая своего Святителя. Ея душа не погибнетъ: благословеніе Архіерейское исполнитъ въ ней мѣру совершенства во спасеніе. Правда, не всегда Филаретъ по природѣ разливается въ чувствіяхъ нѣжныхъ, но бываютъ черты

премилая сердцу въ свѣтлости его лица и очесъ. Я объ одномъ болѣе всего Бога молю, дабы быть ему во Святыхъ.»

Какого же довѣрія заслуживаютъ сказанія Фотія? Какой плодъ принесутъ онѣ? Глуменіе и соблазнъ!... Правда: «не возможно не прійти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ» (Лук. гл. XVII 2, 5).

Только ничтожность и незавидная посредственность пребываютъ въ мирѣ съ міромъ.... Кого же и преслѣдовать клеветѣ человеческой и молвѣ людской, какъ не Филарета?

Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ поняли, оцѣнили и полюбили одинаково кого бы то ни было. Независящія отъ насъ въ жизни встрѣчи, случаи и недоразумѣнія, не рѣдко оставляютъ въ душѣ слѣды непріятныхъ столкновеній. Такъ не любилъ Московскаго Филарета ученый и даровитый ученикъ его, Павскій (мои «Записки» стр. 89 — 91); такъ не отдавалъ ему справедливости просвѣщенный и полезный служитель Церкви, Теофилактъ;¹³ такъ извѣстный писатель и дѣятель духовный, Филаретъ, Черниговскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи до Архіерейства, порой досадовалъ на него за нѣкоторыя замѣчанія на свои труды (тамъ же стр. 86); такъ и всеуважаемые Иерархи, оба Иннокентія, Пензенскій и Таврическій, не вполне понимали его. Пензенскій, однако, хоть не скоро, да убѣдился въ его правотѣ и искренности: недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были легко забыты; Филаретъ постоянно отзывался объ Иннокентіѣ дружелюбно; Иннокентій прекратилъ свои сѣто-

¹³ А вотъ что сказалъ о немъ незлобивый Филаретъ въ письмѣ къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому, отъ 29 Мая, 1824 г.: «Вы помогли мнѣ оплакивать Преосвященнаго Симеона (Ярославскаго), а теперь помогите оплакивать Преосвященнаго Теофилакта. Служилъ, обѣдалъ, почивалъ, проснулся, исповѣдался, скончался. Едва вѣрю, но нельзя не вѣрить: пишутъ оттуда Преосвященному Викарію. Да будутъ блаженны умирающіи о «Господѣ! Не должно ли сказать и то, что за тѣми словами слѣдуетъ у тайновидца: «Горе живущимъ на землѣ?» См.: «Душеполезное Чтеніе» Апр. 1869 г. Не надо смѣшивать писемъ Московскаго Митрополита къ Гавріилу Тверскому, помѣщенныхъ въ «Душепол. Чтеніи», съ его же письмами къ другому Гавріилу Рязанскому, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1869 г. кн. 1.

ванія на Филарета, особенно же когда не стадо тѣхъ лицъ, которыя, по ревности не по разуму, и не понимая послѣдняго, смущали перваго. Правда, они также повинились потомъ въ своей несправедливости къ порицаемому ими туне; но въ то время большое имѣли значеніе опрометчивыя сужденія такихъ особъ, какъ, на примѣръ, Кн. С. С. Мещерская, бывшая въ силѣ при Дворѣ и въ такой милости у Императора, что ей, съ Княгиней Голицыной, пожаловано 100 т. р. изъ Инвалиднаго капитала. Такой слухъ носился по Петербургу. Пусть же теперь литературные сыщики выкапываютъ и ловятъ какую ни будь строчку, намекъ, словцо на безмолвно переносившаго пересуды: не собрать имъ такой обильной пищи злорадству, какую приготовилъ имъ Фотій. Записки послѣдняго хранятся въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Внутреннее достоинство ихъ достаточно уже раскрыто отрывками, выше обсуженными и разъясненными. Но какъ бы ни пристрастны, какъ бы ни лживы были онѣ, все же необходимо ихъ огласить вполнѣ, чтобъ отдѣлать все достовѣрное отъ невѣрнаго въ повѣствованіяхъ Фотія о событіяхъ и лицахъ. Не уже ли Московская Духовная Академія не позаботится о толковомъ изданіи его «Записокъ», съ изслѣдованіями и поясненіями историческими, біографическими, хронологическими и т. д.? Тогда только окажется, какъ говорилъ Филаретъ, что тутъ правда и неправда. Впрочемъ, если Академія, при другихъ занятіяхъ своихъ, не можетъ приступить къ такому труду вскорѣ, то Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, безъ сомнѣнія, не отказалось бы отъ него, если бы рукопись Фотія была передана Обществу, а также и всѣ, относящіяся къ ней, свѣдѣнія, какія могутъ найтись въ Академіи, бумаги, письма и т. п. Что до Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго, нелюбовно отзывался онъ о Московскомъ Митрополитѣ въ письмахъ къ Архіепископу Гавріилу Рязанскому.¹⁴ Онъ пишетъ, на примѣръ: «Москва, по старой привычкѣ своей, не уمدлила сдѣлать изъ меня явной оппозиціи своему (къ сожалѣнію, не любимому) Владыкѣ... Онъ самъ принялъ меня, по видимому, съ искреннимъ участіемъ, но съ

какимъ то вмѣстѣ замѣшательствомъ и какъ бы стыдомъ. Замѣтилъ, что я не учащаю моихъ посѣщеній къ нему, хотя жилъ въ Москвѣ недѣлю.» Потомъ: «Въ праздникъ Алексѣя Митрополита я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ слышать Преосвященнаго Филарета проповѣдающимъ. Слово было написано очень умно, но по всѣмъ правиламъ школы, безъ приспособленія къ понятію слушателей; произнесено хорошо, но такъ, какъ произносятъ по Указу Консistorіи. Такому огромному таланту теряться въ ребяческихъ формахъ!... Истинно жаль!...»

Не уже ли соперничество съ великимъ проповѣдникомъ внушило ему такой странный отзывъ? «Истинно жаль!» его же словами скажу на это. Нелюбимому Владыкѣ великую, однако, любовь обнаружила Москва по кончинѣ его.

Далѣе: Митрополитъ принялъ его «съ замѣшательствомъ и стыдомъ!» Эти слова объясняются мрачнымъ, въ 1841 году, настроеніемъ духа его передъ отъѣздомъ изъ Кіева въ Вологду. Сказавъ, что онъ оставилъ безъ отвѣта поздравительное письмо Оберъ-Прокурора, Графа Протасова, «съ возведеніемъ его на степень Епархіальнаго Епископа;» что «его нагло отрываютъ отъ своего мѣста. любимаго круга занятій и, безъ особенной причины и цѣли, бросаютъ въ отдаленный Сѣверъ,» онъ потомъ рассказываетъ, какъ назначеніе его подѣйствовало на другихъ: «Кіевъ завопилъ противъ него всею силою своего голоса; въ слѣдъ за тѣмъ понесли со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и недоумѣнія. На бѣду этому тревоженію содѣйствовали самые столпы Церкви. Владыка Кіевскій пріѣзжаетъ провѣдать больнаго, и при людяхъ закликаетъ именемъ Божиимъ перенести искушеніе. Владыка Московскій пишетъ съ великимъ сожалѣніемъ о случившемся и съ желаніемъ, чтобы я своею славою (о! о!) озарилъ Вологду. Пишетъ непосредственно въ другой разъ къ Владыкѣ Кіевскому съ увѣдомленіемъ, что они рѣшились единодушно представить меня въ Каменецъ, изъ уваженія къ состоянію моего здоровья. О томъ же пишетъ Преосвященный Іона, и проситъ помолиться объ успѣхѣхъ предпріятія. Такой жалобный хоръ не могъ не смутить всякаго, а я долженъ былъ слушать его на одрѣ болѣзненномъ.»

¹⁴ Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ, 1869 г., кн. 1, отд. V, стр. 57—158.

Не останавливаясь на восклицаніи: «о! о!»—знакъ явнаго неблаговоленія проповѣдника къ проповѣднику, раскрою источникъ не мирныхъ чувствъ одного къ другому. Кто смолоду, кромѣ развѣ совершенно сухихъ, холодныхъ, лѣнивыхъ умовъ, не увлекался подѣ часть, невольно, безсознательно, новизной смѣлой мысли, пышною на показъ рѣчью (phrase gonflante), даже удачнымъ только выраженіемъ? Многіе ли же изъ юнученыхъ мыслителей вовсе не поддавались порой вліянію современныхъ стремленій той или другой школы Философіи на Западѣ и не ослѣплялись, такъ сказать, космополито-религиозными блестками въ разглагольствованіяхъ мечтателей? Такъ и нашъ молодой ученый Иннокентій, при началѣ своего поприща, увлекался навѣянными со стороны умопредставленіями (идеями). Филаретъ замѣчалъ его увлеченія, и нерѣдко въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ обличалъ то или другое уклоненіе его отъ строго Православнаго ученія.

Но обличаемый, или побѣждаемый, едва ли когда бываетъ признателенъ и любовенъ къ своему обличителю и побѣдителю. Не легко признать себя меньшимъ предъ кѣмъ бы то ни было!

Таковы были ихъ отношенія съ 1826 по 1829. Не менѣе того Митрополитъ, уже извѣстный учитель и проповѣдникъ, цѣнилъ даровитость новаго учителя и проповѣдника, и тѣмъ болѣе, что послѣдній, мужая духомъ и богатѣя свѣдѣніями, чистосердечно отказался отъ заблужденій, въ которыхъ укорялъ его Московскій Первосвятитель. И вотъ какъ это случилось: Синодъ, отдавая справедливость ученой и служебной дѣятельности Архимандрита, желалъ возвести его въ санъ Епископа. Нѣкоторые изъ Членовъ сомнѣвались въ чистотѣ догматическихъ убѣжденій Иннокентія. Первоприсутствующій, при обычной нерѣшительности своей, не могъ дать себѣ отвѣта на возникшій въ душѣ его вопросъ: кого обрѣтетъ въ новомъ Архіереѣ Церковь: пастыря ли добраго, или же колеблемаго вѣтромъ ученія по стихіямъ міра? Онъ прибѣгаетъ къ единственному средству: онъ возлагаетъ на Филарета испытать Иннокентія. Испытатель принялъ испытуемаго уже не какъ гостя и собесѣдника, а какъ Архипастырь монаха, какъ вліятельнѣйшій Членъ Св. Правительствующаго Синода, какъ учитель и просвѣтитель духовенства двухъ столицъ съ ихъ Епархіями.

Онъ повелъ съ нимъ не ту уже мягкую, бережную рѣчь, какою, убѣждая его дотолѣ, щадилъ въ немъ щекотливость самолюбія; онъ потребовалъ отъ него полной, такъ сказать, исповѣди. Иннокентій высказался честно. Филаретъ обратилъ тогда къ нему то мощное и съ тѣмъ вмѣстѣ строго-любовное Апостольское слово, по ученію и догматамъ Восточной Церкви, слово крѣпкое крѣпостию глубокосердечной вѣры проповѣдника, слово самой истины, на которое нѣтъ возраженій.... Иннокентій сознался въ своихъ заблужденіяхъ и былъ тронуть до того, что, какъ пронесся тогда слухъ, заплакалъ.... Но слезы не потопили человѣческое въ немъ тщеславіе и гордость самолюбія.

Испытатель поручился за него—и онъ былъ возведенъ въ санъ Епископа. Митрополитъ слѣдилъ за нимъ, и радовался его успѣхамъ ученымъ и проповѣдническимъ. А Иннокентій, какъ выше указано, умалялъ, даже уничтожалъ его славу, какъ проповѣдника!.. Филаретъ не хвалилъ только его комунистическія рѣчи (на пр., въ «Москвитянинѣ») и многія мѣста тамъ и сямъ черезъ чуръ драматическія и лирическія, на показъ (эффектныя). Нѣтъ искренности въ рисованіи; плохо вѣрится возгласамъ; кафедра не зрѣлице, проповѣдникъ не актеръ. Такія мѣста встрѣчаются даже и въ «Седмицахъ.»¹⁵ Правда, неожиданныя выходки

¹⁵ Въ подтвержденіе сказаннаго и разсказаннаго здѣсь, приведемъ слова самаго Святителя изъ изданія А. Н. М.: «Письма М. М. Филарета. Кіевъ, 1869.» Настоящая статья поступила въ редакцію вскорѣ по выходѣ 2-й кн. нашихъ «Чтеній», а изданіе Муравьева появилось въ Москвѣ лишь недавно. Вотъ слова Владыки (письмо 10, стр. 21): «Бесѣды Страстной Недѣли получилъ до Вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочитать нѣкоторыя. Отлично много способности: но, какъ Вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь: «Старецъ сказалъ монахамъ: Будемъ плакать!—и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ,» не знаю, понравится ли разсудку, если не дать себѣ ослѣпиться поверхностными блесками. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, неполно и невѣрно пересказана проповѣдь С. Макарія! На Голгоѣѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: «Дщери Іерусалимски, не плачьтеся о мнѣ,» и пр., не есть ли точно проповѣдь, и не могла ли быть ближайшимъ образцомъ разбираемой теперь, нежели изреченіе С. Макарія? А: «Совершишася!» не есть ли сіе величайшая

производить впечатлѣніе на слушателей, но оно мимолетно, какъ музыка, цвѣты, благоуханіе, ласкающіе чувства: умолкла музыка, увяли цвѣты, испарился запахъ, и—пріятныя ощущенія забыты. Не побѣдилъ онъ Филарета, порываясь дѣйствовать на сердце, и дѣйствуя преимущественно на чувства. Московскій Златоустъ дѣйствуетъ на разумъ, поучаетъ, убѣждаетъ, трогаетъ, укрѣпляетъ, исправляетъ и принятое головой посѣвается въ сердце, и многіе,

изъ проповѣдей? И Сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «Во истину Божій Сынъ бѣ сей.» Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ по тому только не проповѣдь, что Сотникъ не былъ Докторъ Богословія, и произнесъ ее безъ аналогіи и каедръ.» Издатель въ своихъ поясненіяхъ говоритъ (стр. 23): «Мнѣніе его (Филарета) о проповѣдяхъ Пр. Иннокентія, показываетъ всю глубину и пронизательность его критическаго взгляда. Мнѣ случилось присутствовать при бесѣдѣ сплхъ двухъ гениальныхъ людей, но Иннокентіи казался далеко не въ уровень предъ Филаретомъ, и критическій молотъ сего великаго старца разбивалъ въ пухъ всѣ легкія восторженныя сужденія юнаго Епископа.» Много любознательнаго въ поясненіяхъ А. Н. М., но много же и неудовлетворительнаго, уклонливаго, невѣрнаго, ошибочнаго. На примѣръ (стр. 95): «Община Одигитріева была основана недалеко отъ Новаго Іерусалима благочестивою Княгиніею Мещерскою, которая впоследствии была тамъ первою Игуменьею, а послѣ нея, ея племянница, Озерова.» Въ Словахъ и Рѣчахъ (ч. III, стр. 170—172), Бесѣда 19, о дивныхъ судьбахъ Троице-Одигитріевскаго Общежитія, приписывается основаніе его Грузинской Царевнѣ Фамарі, какъ это видно изъ письма Митрополита къ Муравьеву (стр. 94), названной въ изданіи Тамарой. Княгиня же Мещерская основала Аносинское Борисо-Глѣбское женское общежитіе, гдѣ и теперь Игуменіей внучка ея (Озерова). Княгиня Е. Н. Мещерская названа даже въ оглавленіи Бесѣды при открытіи общежитія (ч. II, стр. 13). Но предоставимъ специалистамъ проверить и оцѣнить свѣдѣнія, мелькающія въ объясненіяхъ, оговоркахъ, особенно же словопрѣвращеніяхъ и самооправданіяхъ издателя. Мы укажемъ только на важнѣйшія, по своему содержанію, три письма Филарета: «О времени предложенія Св. даровъ.» (Душенол. Чтеніе Сент. 1869). В. П. Нечаевъ, почтенный редакторъ журнала, по истинѣ души полезнаго, помѣстилъ ихъ, вмѣстѣ съ письмами А. Н. М., въ дополненіе къ своей прекрасной статьѣ: «О Св. возношеніи въ Литургіи вѣрныхъ.» Для исторической правды, или хоть ради бібліографіи, слѣдовало бы сказать, что эта переписка, за полтора года до изданія писемъ Митрополита къ М., помѣщена въ «Запискахъ Сушкова о жизни и времени Святителя, * и тѣмъ болѣе, что издатель писемъ (стр. 215) говоритъ, что списки

* Прилож. стр. 173—149.

конечно, благодатно уразумѣли и уразумѣютъ изреченіе учителя: «Покоренный умъ позналъ и сердцемъ пріялъ вѣчныя истины.»

Такъ и самая «преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, переражается въ живое чувство сердца. См.: «Слова и рѣчи Филарета М. М. ч. 1, стр. 159.

полемики «появились въ печати, но не въ удовлетворительномъ видѣ.» Это, впрочемъ, еще вопросъ, который будетъ разъясненъ погѣркой напечатаннаго, какъ въ Запискахъ Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію. Во всякомъ случаѣ едва ли можно назвать полемикой (таже 215), съ одной стороны вопросы и защитительныя писанія мирянина, вовсе не богослова, съ другой отвѣты и опроверженія догматика, святителя; проповѣдника; другими словами: заблужденія ученика и назиданія учителя. Странно и непріятно читать въ предисловіи къ полемикѣ: «Началась между нами (между Филаретомъ и Муравьевымъ!) странная и не совсѣмъ пріятная переписка» (таже 215). Видно Іерархъ не убѣдилъ писателя. Не возьметъ ли на себя Московская Духовная Академія разъяснить весь ходъ этой переписки благосклоннаго наставника съ настойчивымъ совпросникомъ? И кому же, какъ не ей, да Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія слѣдуетъ за всѣмъ, что теперь пишется, печатается и разглаговуется о Святителѣ, чтобы разгонять тѣни, накидываемыя на свѣтлое имя его, когда завистью и клеветой, когда невѣжествомъ и упрямствомъ, когда съесью и тщеславіемъ? Легко живущему еще на землѣ сказать свое послѣднее слово взятому съ земли: изъ за могилы не боишься обличенія. Такъ и многія, даже очень многія, письма, изданія Г. Муравьевымъ, нужно разъяснить опредѣлительнѣе, особенно же когда рѣчь идетъ о догматическихъ и церковныхъ вопросахъ, на примѣръ: письма 437—441, гдѣ, между прочимъ, видно, что не радуется Митрополитъ тому, что «свѣтская особа» сочиняетъ Акаѳистъ Апостолу Андрею Первозванному; также отзывы къ вразумленію извѣстнаго Овербека (стр. 640—644) и касательно нѣкоего Аббата Маундреля (657 — 661). Не Мандрюэль ли? А сколько неудовлетворительно объясненныхъ, или пройденныхъ молчаніемъ, событій и случаевъ въ продолженіи 35-лѣтней переписки, совѣтовъ, уроковъ и назиданій въ письмахъ, указаній издателя ихъ, требовавшихъ справокъ, изслѣдованій, опроверженій и т. п., его, наконецъ, недоразумѣній, столкновеній, подозрѣній и жалобъ на мирявъ и на духовныхъ лицъ: на Княжну Цицианову, на Секретаря Владыки Святославскаго, на Економа Троицкаго подворья (пристаніи Московскихъ Первосвятителей въ Петербургѣ), на редакторовъ газетъ и журналовъ: Протоіерей Н. А. Сергіевскаго, Аксакова и иныхъ, и на многихъ и на многое!... Все это

И такъ источникъ неблаговоленія Архіепископа къ Митрополиту—ревнивое чувство соперничества..... Но миръ вамъ, понявшимъ и не понявшимъ Московскаго Филарета! Миръ и добрая память!... За могилой нѣтъ недоразумѣній и соперничества. Каждый получить заслуженное воздаяніе, каждый обрѣтетъ мѣсто: «Въ дому отца моего обители многи суть» (Іоан. XIV, 2).

Николай Сушковъ.

требуетъ строгой повѣрки и исторической оцѣнки, не только писемъ, но и оговорокъ, оправданій, рассказовъ, сужденій издателя. «Вся же искушающе, добрая держите,» и «отъ всякія вещи злыя отгребайтесь» (1 Солун. 5, 20—21).
О. Б.